

Н. Крыленко

Снабженцы-вредители и социалистическое строительство

Одна за другой вскрываются усилиями ГПУ язвы вредительских организаций. Вслед за шахтинцами, вредителями по углю, была раскрыта вредительская организация в Комиссариате путей сообщения. За вредительством на транспорте последовало раскрытие вредительских организаций в военной промышленности. За военной промышленностью — вредительство в золотой промышленности, текстильной, судостроительной, в машиностроении, в химической промышленности, резиновой, нефтяной и пр. От отдельных вредительских организаций по отраслям промышленности ГПУ добралось и до объединяющего вредительского центра. В основных руководящих органах планирования нашего госаппарата — в Госплане и Высшем совете народного хозяйства, — в Народном комиссариате земледелия и его руководящих планирующих органах, среди работников и профессоров вузов также оказались вредители. Удар за ударом наносило этим организациям ГПУ, но многочисленность вредительских организаций, длительный период их существования, их внутренняя организованность и спайка, теснейший контакт их с контрреволюционными организациями скрывшихся за рубеж бывших владельцев и собственников национализированных предприятий, связь их с международным капиталом и буржуазными правительствами, в частности, теснейшая связь их со шпионской работой военных штабов иностранных государств по подготовке интервенции — все это давно уже заставило нас расценивать вредительство не как случайные контрреволюционные группировки технической интеллигенции, а как определенный метод классовой борьбы буржуазии, действующей в своих классовых интересах и руководимой в своих действиях единым штабом международного капитала, чтобы не мытьем, так катаньем подорвать мощь страны советов, ниспровергнуть советскую власть, разрушить пролетарское государство.

Опубликованные данные о вновь открытой контрреволюционной вредительской организации в мясном, рыбном и консервном деле и в деле заготовки и хранения овощей, вредительской организации, созданной еще в 1925/26 г. и не покладая рук работавшей над вредительством в деле снабжения до самого последнего времени, показывают, что враги рабочего класса, руководимые все теми же магнатами международного капитала за рубежом, не останавливаются ни перед чем для достижения своих целей — затруднения дела строительства социализма и борьбы против пролетарского

государства. Забравшись в центральные заготовительные организации, связавшись оттуда с другими вредительскими центрами, кучка прожженных негодяев-вредителей, бывшие помещики и генералы, продавшиеся за доллары иностранным предпринимателям, они оттуда, из этих заготовительных центров, согласованно руководили вредительством в основных отраслях снабжения, в деле обеспечения рабочего класса необходимейшими продуктами — мясом, рыбой, овощами и пр.

Вредительство в мясной промышленности, в области снабжения населения необходимейшими продуктами явилось, таким образом, еще одним доказательством организованности классового врага и жесточечности его борьбы, показателем той ненависти, с которой он относится к социалистическому строительству, неразборчивости его в средствах борьбы против нас.

Не это заставляет нас однако еще раз поставить ребром вопросы политической оценки вредительства, его социального содержания, еще раз проверить вытекающие отсюда политические выводы. В общем и целом эти выводы уже известны, они давно сделаны и в основном усвоены широкими массами трудящихся. Правда, есть еще достаточное количество сомневающихся, колеблющихся, не верящих, не представляющих себе всего размаха вредительской работы и потому склонных недооценивать опасности вредительства и степень его политической активности. Есть также и среди рабочих, особенно много их среди технической интеллигенции, честных труженников не вредителей, тем не менее склонных по-обывательски недоверчиво относиться к утверждениям советской власти, жалеющих иной раз вредителей. Встречаются такие «Фомы неверные» даже среди хозяйственников-коммунистов, среди тех, о которых т. Сталин сказал на XVI съезде, что они находятся под влиянием и в плену у вредителей. Всем им полезно будет на примере вредительства в деле продовольствия еще раз проверить самих себя и свои настроения, чтобы теснее сомкнуться с общими массами рабочего класса и изжить окончательно свои колебания. Для широких масс рабочего класса, с гигантским подъемом трудового энтузиазма преодолевающих встречающиеся на пути трудности, этот повторный анализ политического существа вредительства послужит лишним толчком для большего напряжения сил в социалистическом строительстве.

И тем не менее, не эти обстоятельства заставляют снова устремить внимание как на самый факт существования контрреволюционных вредительских организаций, так и на методы и формы их работы.

Со времени шахтинского дела прошло два года. Пролетарское государство усилило свою бдительность. Приговором над шахтинцами — расстрелом уличенных шпионов и изолированием на значительные сроки остальных — советская власть показала, что она не остановится перед жесткими мерами борьбы по отношению к вредителям. То, что расстреляно было только пятеро, должно было послужить для остальных последним предостережением. Тем не менее вредители продолжали свою подлую работу и после шахтинского приговора.

За истекшие два года гигантски двинулось вперед хозяйственное развитие страны. За два года осуществления пятилетнего плана пролетариат на

деле доказал свою способность к строительству и свою твердую волю довести дело построения социализма до конца. И тем не менее, вредительские организации не исчезли, вредители продолжали действовать.

Эти два основных политических факта заставляют нас снова поставить вопрос о вредительстве, проанализировать еще раз его социально-политическое содержание, чтобы определить то *новое*, что можно уже обнаружить в нем на основе новых материалов, чтобы сделать вытекающие отсюда *новые* политические выводы. Именно эти соображения заставляют нас подвергнуть оценке вредительство в освещении новых условий *нынешней обстановки* и новых материалов и довести наши дополнительные выводы до общественного сознания для принятия соответствующих мер борьбы.

О том, что нового в истории, содержании и методологии вредительства обнаруживает анализ его на основе новых материалов и новой обстановки, — мы и хотим поговорить в настоящей статье.

Что прежде всего, устанавливают эти новые вскрытые факты вредительства?

Наглость и цинизм вредителей, спекулировавших на голоде и лишениях рабочего класса населения Москвы и промышленных центров, вызвали совершенно понятный и естественный взрыв величайшего негодования, презрения и в то же время озлобления против вредителей со стороны широких масс пролетариата, против которых непосредственно направляли свои удары вредители. Эти факты вызвали однако не меньшее чувство злобы, ненависти, досады и разочарования в рядах тех, по чьей указке работали вредители, и среди тех, кто вместе с вредителями работал и может быть продолжает и теперь работать.

Опубликованное вслед за этим постановление ОГПУ, по которому из 53 лиц, привлеченных по делу, 48 расстреляно, должно было вызвать не меньшей силы реакцию в этих двух классовых силах, столкнувшихся и борющихся за власть и существование в величайшей из социальных схваток, имевших место на земле. Глубочайшее удовлетворение среди широких масс рабочего класса и всех честных строителей социализма и взрыв звериной ненависти и злобы в рядах наших классовых врагов и тех, кто по их указке действовал, действует или хочет завтра еще действовать, должен был вызвать этот факт. Когда мы говорим о том, что для защиты нашего социалистического строительства мы не остановимся ни перед чем, что мы будем беспощадны, что в наших устах, в устах большевиков, это не шутка — мы на деле доказали это расстрелом 48. Готовность идти на все в борьбе против нас однако доказали и вредители всей своей деятельностью.

Эти факты — факт вскрытого вредительства в главнейших отраслях снабжения, вредительства, поражающего своей наглостью и цинизмом, с одной стороны, и факт беспощадной расправы с вредителями — с другой, и как следствие обоих фактов — новый взрыв классового ожесточения в обоих лагерях, — эти факты подтвердили прежде всего то наше основное утверждение, что *строительство социализма не протекает и не может протекать в рамках мирного сосуществования враждебных по существу классов, и об-*

активно неизбежно протекает и будет протекать в рамках ожесточенной классовой борьбы. Это положение революционного марксизма и ленинизма прежде всего подтвердили указанные факты, и это *первый политический вывод*, которому они учат нас. Этот вывод несколько иной, чем тот, который можно было сделать в результате шахтинского процесса. Тогда тоже шла речь о фактах классовой борьбы, но казавшиеся и приносившие повинную вредители дали возможность советской власти сравнительно мягко отнестись к большинству из них. В целях определенного воспитательного воздействия на колеблющихся пролетарское государство не обрушило тогда своей репрессии на вредителей со всей жесткостью. Дело снабженцев-вредителей показывает, что вредители ничему не научились и ничего не забыли с тех пор. Классовая борьба за истекшие два года, как показывает снабженческое дело, не ослабела, а усилилась, не притупилась, а обострилась. Это вызвало и соответствующую реакцию со стороны пролетарского государства: расстрел 48 из 53, привлеченных к делу.

Логика классовой борьбы сделала свое дело. Строительство социализма и его успехи вызвали лишь бешеное сопротивление со стороны отживающих классов. Таков первый политический вывод, который вытекает из новых фактов вредительства. Но они учат и второму выводу, тому, что *в рамках этой неизбежно обостренной и ожесточенной классовой борьбы нет уже места для политического нейтралитета*, для политической пассивности кого бы то ни было. В период шахтинского процесса многие из среды технической интеллигенции и даже некоторые слои рабочего класса могли еще занять нейтральную позицию: меня, мол это не касается, где-то там в недрах глубоких шахт действуют вредители, с ними борется советская власть, меня это в конце концов мало трогает. Сейчас не может быть уже такого положения. Сейчас нельзя уже быть нейтральным. Всякий, даже наиболее мирно настроенный обыватель, не может сейчас уйти от политических вопросов. Прошло это время и больше не вернется. Опубликованные факты вредительства в области снабжения и наш жестокий классовый ответ разбивают все их надежды уйти от проклятых вопросов современности. Мимо этих фактов никто не может пройти. Не пройдет мимо них ни один рабочий, ни один житель крупных промышленных центров, поскольку это его касается, *по нему это бьет*; не пройдет мимо этого классовый враг, потому что по нему это тоже бьет, потому что по этому примеру он видит, что завтра и с ним так поступят, если он станет на дороге социалистического строительства; не сможет пройти мимо этих фактов самый заскорузлый обыватель, *потому что и его эти факты бьют*, и его факты касаются, потому, что жизнь ставит и перед ним тот же самый вопрос, как он относится к таким фактам, где его место в этой классовой борьбе, в которую втянуты миллионы, потому наконец, что не позволят ему сейчас, в момент такого обострения борьбы, молчать и не выявить своего отношения к ним остальные активно борющиеся слои населения, и потребуют от него отчетливого ответа — с кем он, с ними или против них, в лагере строителей социализма или в лагере вредителей.

Вот почему первые политические выводы, которые каждый должен сделать из опубликованных фактов, заключаются в следующем: строитель-

ство социализма происходит и будет происходить в условиях ожесточенной классовой борьбы, и в этой классовой борьбе всякий обязан найти свое место по ту или другую сторону баррикады, ибо уйти от борьбы жизнь все равно не позволит ему.

И не в бровь, а в глаз бьют эти факты по всем тем, кто думает замолчать, замазать эту классовую борьбу, подобно тем мелкобуржуазным демократам, о которых Ленин писал, что им «свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтание о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить, примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обоих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил».

Вдребезги разбивают надежды этих мелкобуржуазных демократов опубликованные факты.

Но этого мало. Этих политических выводов мало для нас. Упорство работы вредительских организаций, их согласованную между собой работу — вот что еще приходится констатировать. А это заставляет поставить вопрос о *некоторых общих причинах, вызвавших это упорство*, заставляет искать более глубоких его корней, заставляет, наконец, одновременно поставить вопрос, *почему же эта борьба так обострилась в настоящее время, и почему эта борьба буржуазии против нас, несмотря на все успехи социалистического строительства, компактно охватывает целые общественные слои и принимает такие нагло-циничные формы?*

Две маленькие справки введут нас, что называется, сразу in medias res, в самое существо этих основных вопросов.

Я позволю себе привести одну интересную цитату из произведения основоположника революционного марксизма — из письма Энгельса к Бебелю от 24 октября 1891 г. Это письмо написано приблизительно 40 лет тому назад. Вот что писал Энгельс, анализируя условия и обстановку будущей социалистической революции, о врагах, с которыми придется встретиться: в известных условиях — говорил он — «техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и продавать нас, как только смогут. Нам придется прибегать к устрашению их и нас все-таки будут обманывать». Так Энгельс писал в 1891 г., в октябре месяце, в письме к Бебелю.

Энгельс предвидел, таким образом, и то, что «техники» будут вредить, и то, что их придется устрашать. В развитие этого предсказания Энгельса Ленин так писал об условиях, в которых будет протекать и протекает наша историческая борьба за социализм, но писал уже об этом не как об условиях завтрашнего дня, а как об условиях сегодняшнего дня.

«Вы вызвали нас на борьбу, — говорил по адресу буржуазии Владимир Ильич, — в самой отчаянной форме в октябре. В ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор. Если потребуется, если нас вынудят — выдвинем еще. Ни один рабочий, ни один крестьянин не сомневается в том, что

террор против врагов трудящихся необходим. Кроме интеллигентских кликуш — никто в этом не сомневается» (Собр. соч., т. XVIII, стр. 12).

Так в полном согласии с Энгельсом, но уже в условиях практической борьбы за социализм, ставил вопрос Владимир Ильич по отношению к классовым врагам в 1918 г. Он предвидел однако, что так придется ставить его еще неоднократно.

Действительность, как мы видим, полностью оправдала и подтвердила предсказания обоих вождей революционного рабочего движения.

Постановление ОГПУ показывает, что партия, советское государство и рабочий класс восприняли полностью указания Владимира Ильича относительно необходимости террора по отношению к классовым врагам, учли и предсказания Энгельса о том, что в определенных условиях среди технических сил мы встретим людей, которые будут нас обманывать и которых нам необходимо будет устрашать. В этом одном уже историческое оправдание нашей тактики сегодняшнего дня по отношению к вредителям. Этим однако разрешается только одна сторона вопроса. Это еще не разрешает основного вопроса.

Что же однако толкает «техников» на эту борьбу и почему сейчас снова эта борьба обостряется так, что необходимо брать за оружие террора?

Фактический материал, который дает нам дело вредителей-снабженцев, еще раз подтверждает прежде всего наши прежние, на основе прежних материалов сделанные, выводы о классовом характере вредительства и классовом существе его борьбы против нас.

Классовая принадлежность основной группы вредителей непосредственно к промышленной буржуазии или к слою верных слуг этой буржуазии, ее «служилых псов» — директоров и руководителей ее предприятий, устанавливалась нами систематически всякий раз, когда мы рассматривали материалы по вредительским делам. Так повелось еще с шахтинского процесса. Высококвалифицированные техники, стоявшие во главе вредительских организаций, как правило, сами оказывались либо бывшими предпринимателями, собственниками предприятий, либо крупными акционерами. Остальная средняя толща специалистов-вредителей также, как правило, принадлежала к слою высокооплачиваемых техников, связанных органически всеми своими навыками и представлениями с классом промышленной буржуазии и потому экономически и политически тяготеющих к ней. Единство классовых интересов этой группы высококвалифицированных техников с классовыми интересами всей буржуазии в целом — такова была основная причина, которая толкала и не могла в определенных политических условиях не толкнуть общественные слои так называемых специалистов на борьбу против Октябрьской революции и пролетарского государства.

Не даром же еще на шахтинском процессе один из руководителей вредительства характеризовал себя и своих соратников как «обер-офицеров капитала». Этот кровавыми узами связанный с буржуазией общественный слой не мог органически принять Октябрь и при первой возможности снова потянулся к старому строю и оказался по ту сторону баррикад. Это и пред-

видел Энгельс, когда еще в 1891 г. писал о том, что старые «техники» будут нам вредить. Это же в высокой степени наглядно вскрыл шахтинский процесс и подтвердили данные по остальным вредительским делам. Но последние не объясняют еще того, почему сейчас, после шахтинского процесса, или вернее несмотря на уроки шахтинского процесса, вредительство не исчезло, не прекратилось, а в определенных областях даже углубилось, приняв лишь более законспирированные формы, но вместе с тем еще более заострило свое оружие. На этот последний вопрос великолепный ответ дает анализ иных материалов, именно вредителей-снабженцев, и на нем поэтому мы со всей серьезностью и со всей внимательностью сейчас остановимся.

Два слова все же о классовом составе вредителей-снабженцев, о строении их организаций и методах работы.

Классовый состав вредительской организации, вскрытой в области продовольствия и снабжения, достаточно характерен. Вот некоторые данные о том, кто такие были в прошлом снабженцы-вредители. Для начала возьмем один, казалось бы, формальный и внешний признак.

Рязанцев — бывший генерал, Карпенко — бывший полковник, Куранов — бывший полковник, Петров — бывший полковник, Куракин — белый офицер, Соколов — белый офицер, начальник снабжения армии Колчака, Тихотский — подполковник, Арцыбушев — бывший морской офицер, расстреливавший восставших матросов, Никитин — бывший офицер-колчаковец, Романовский — бывший офицер, вернувшийся белоэмигрант, Скурыдин — казачий офицер, Быковский — бывший арендатор и офицер.

Это — первая категория, группа военных. Общеизвестно, что такое представляли собою старые военные кадры старой царской армии. Один этот признак определенным образом характеризует политическую физиономию и социально-политическое мировоззрение этой группы лиц.

А вот вторая категория: Воронцов — бывший помещик, Карпов — бывший фабрикант, Абдулаев — крупный рыбопромышленник, Щербаков — бывший доверенный рыбопромышленной фирмы, Фарманов — заведующий главной конторой рыбопромышленников Лианозовых, Рубинштайн — доверенный рыбопромышленной фирмы, Таланов — бывший рыбопромышленник, Езерский — бывший служащий рыбопромышленника Сапожникова, Фишзон — бывший рыбопромышленник, Фишзон — второй — тоже бывший рыбопромышленник, Денисов — бывший домовладелец, Купчин — бывший землевладелец, Вайдт — директор и совладелец консервной фабрики.

Вот характеристика взятых на выборку 25 вредителей из 53 человек этой группы. Это не только техники и специалисты, все они — кость от кости буржуазии, плоть от плоти буржуазии, это сама буржуазия, как таковая, как руководящий промышленный класс или ее патентованные защитники. Если мы говорим, что у нас идет классовая борьба с буржуазией, то вот она, буржуазия, ведущая против нас классовую борьбу. Воинствующий класс, не сложивший оружия до самого последнего времени, до вчерашнего дня.

Возьмем еще один признак: каково было юридическое положение этих лиц при царском строе? Возьму только двух главарей: Рязанцева и

Каратыгина. Рязанцев — дворянин, генерал и помещик, он же — член совета министерства торговли и промышленности, следовательно, один из заправил того тесного альянса, который был между торгово-промышленной буржуазией и царским строем и помещичьим классом, управляющим государством. Каратыгин — октябрист, т. е. фигура определенная в политическом смысле, и в то же время бывший главный редактор «Торгово-промышленной газеты», следовательно, один из идеологов и пропагандистов этого альянса.

Обратимся теперь к стажу этой публики с другой точки зрения. Чем они до этого зарекомендовали себя при советской власти? Вот данные из автобиографий некоторых из них. Левандовский судился в 1927 г., Быковский судился трижды: по 114 ст. — взятка, по 116 ст. — подлог и еще раз по 114 — взятка. Соколов — в 1924 г. по 128 статье, в 1927 г. — тоже по 128 ст. за бесхозяйственность и 111 ст. — халатное отношение к службе. Арцыбушев судился как контрреволюционер, Шапошников в 1927 г. судился за сокрытие торговых оборотов, Розенберг — в 1929 г. по ст.ст. 105 и 128. Этого достаточно, чтобы видеть, как на деле они доказывали свою преданность советской власти за все эти 12 лет ее существования.

Но рядом с помещиками, полковниками, казачьими офицерами, рыбопромышленниками и фабрикантами среди этих лиц мы находим таких, которые дают иные сведения в своей биографии и своей социально-политической физиономии. В частности, возьмем Розенберга. Он состоял в РСДРП с 1903 по 1909 г., Терещенко состоял в партии эсеров и был избран членом учредительного собрания.

Мы обращаем внимание на это обстоятельство потому, что не случайным является этот блок бывших революционеров с бывшими помещиками и фабрикантами. В дальнейшем изложении будет ясно, почему и чем объясняется то, что бывшие революционеры, члены партии меньшевиков, эсеров и других социалистических партий, в свое время боровшихся с царизмом и буржуазией, сейчас оказались в едином блоке с буржуазией, с представителями помещиков и фабрикантов, в кругу вредителей, поднявших против нас оружие классовой борьбы.

В то же время эти лица были в советском аппарате: Рязанцев — председателем Технического совета Хладоцентра, зам. председателя правления Мясохладобойни, Каратыгин — личным экономистом у т. Эйсмонта, зам. председателя Промышленно-экономического совета ВСНХ, председателем С.-х. секции Промплана ВСНХ, зам. председателя НТС пищевой и сельскохозяйственной промышленности при НКТорге СССР.

В руках у вредителей, таким образом, был Промышленно-экономический совет ВСНХ, Сельскохозяйственная секция Промплана ВСНХ, НТС пищевой и с.-х. промышленности и т. д., другими словами — основные планирующие и руководящие органы. Остальные вредители были также крупными техниками-специалистами, подчиненными и подчинявшимися вредителям. Карпенко был главным инженером Хладоцентра, Петров — заведующим консервным отделом Союзмяса, Левандовский — заведующим отделом сбыта и распределения Союзмяса и пр.

А на местах?

В Сибири, на Каспии, на Дальнем Востоке, в Дагестане руководителями практических заготовок были вредители. Арцыбушев — директор Волго-каспийского района Союзрыбы, Абдулаев — бывший директор Дагрыбтреста, Никитин — зам. председателя правления Волго-каспийского рыбного треста.

Так классовый враг окопался в наших основных советских учреждениях и взял в руки командные высоты планирования в области снабжения.

Этих фактов достаточно, чтобы подтвердить наш старый вывод о том, что во вредительстве мы имеем дело с реальной классовой борьбой буржуазии, как таковой, против нас.

Если Энгельс писал в 1891 г. о том, что «техники будут нас обманывать», то он предвидел только тот простой факт, что классово иной по своей социальной природе слой технической интеллигенции в процессе развивающейся классовой борьбы неизбежно должен будет в определенной своей верхушке, в определенной своей части занять по отношению к революции классово-враждебную позицию. Действительность показала гораздо больше.

Во всех основных и крупных отраслях промышленности (по этому поводу был опубликован целый ряд официальных сообщений) создались вредительские организации. Уголь, нефть, машиностроение, текстиль, судостроение, химическая промышленность, цветная металлургия, золотая промышленность, НКПС, военная промышленность и, наконец, теперь — область снабжения, НКЗ, ученые кружки, высшие сельскохозяйственные учебные заведения — все оказалось захваченным вредительскими шупальцами. Это показывает, что промадный размах социалистического строительства, глубинный характер социального переворота настолько резко всколыхнул все слои населения, настолько резко дифференцировал основную массу и толщу служилой интеллигенции, произвел в ней настолько четкое размежевание, что в результате определился достаточно крупный общественный классово-враждебный нам слой, занявший по отношению к нам активно-вредительскую позицию. В каждой из областей они создали свою правильно поставленную организацию. Но и это еще было не все.

Одни ли они были, одни ли они работали в данном случае? Уже шахтинское дело обнаружило, что не одни. Данные, которые мы сейчас имеем, говорят о том же: за спиной снабженцев также оказался *иностраный капитал* — английский, японский, румынский и наш отечественный в лице осколков бывшей нашей буржуазии, устроившейся за границей в промышленной области. Вместе с ними работал, наконец, и русский частный сектор, действовавший непосредственно в Астрахани около рыбных промыслов на Каспийском море. Эту сторону вредительства также целиком подтвердило дело снабженцев. Вот данные, которые характеризуют эту связь.

Один из обвиняемых показывает: «В соответствии с одной из задач нашей контрреволюционной организации я увез за границу во время своей заграничной командировки собранные сведения о запасах консервов. Эти сведения я передал представителю английской фирмы Фортергило, которого специально для этой цели вызвал в Гамбург».

В 1928 г. советская власть послала несколько крупных специалистов в Рим на международный конгресс по рыбе. Вместо рыбы они начали там заниматься другим делом. Им в Москве еще было поручено встретиться с эмигрировавшим за границу крупным специалистом Зароченцевым — он же агент крупной заграничной фирмы. Там этот Зароченцев давал вредителям ряд поручений, которые здесь нужно было исполнить. Этими поручениями оказалось вредительство в области капитального строительства. В частности, проектировалось предложить советскому правительству поставить консервное дело на новой технической базе, причем заведомо указывалось, как сделать, чтобы из этого получились обратные результаты, чтобы продукция была негодной. Вредители струхнули, и план не был принят. Факт этих сношений показывает, кто руководил действиями вредителей, диктовал им, что они должны делать.

Обвиняемый Казаков показывает, что он получил от Зароченцева следующие директивы: «Принимать все меры к тому, чтобы поддерживать промысла, принадлежавшие ранее частным фирмам, поддерживать частные рыбные промысловые предприятия на Дальнем Востоке, задерживать прохождение планов строительства и финансирования государственных предприятий на Дальнем Востоке».

Интересно отметить, как моменты политического вредительства перемешивались тут с моментами коммерческой выгоды иностранных предпринимателей. С течением времени вопросы политики получили преобладание, но, как полагается среди честных купцов, вредители за свое дело выговаривали себе компенсацию.

О связи с японцами показывает другой обвиняемый — Фишзон. Он рассказывает о том, как он встречался с японской фирмой и договаривался о наиболее выгодных для нее участках, о предоставлении ей особых условий и т. д.

Третий вредитель показывает, что при поездках за границу он получал от иностранных фирм, приобретающих нашу продукцию, определенный процент за предоставление им известных льгот в договорах о сбыте нашей рыбной продукции за границу.

«Этот процент выплачивался за те выгоды, которые предоставлялись фирме в отношении качества товара, в отношении условий платежа» и т. д.

Наконец, частный русский сектор также стремился к выгодной реализации своей продукции и за это выплачивал отчисления от своих прибылей в пользу вредительской организации.

Румынская фирма Броверман, заинтересованная в экспорте соленой рыбы, равным образом информировалась о положении рыбной промышленности Союза и платила за эту информацию деньги.

Классовые интересы иностранного капитала, заинтересованного в конкуренции или в эксплуатации наших промышленных предприятий, — таков был второй рычаг, который направлял действия наших вредителей. Третьим рычагом были указания, исходившие от организаций, связанных с правящими кругами международной буржуазии, в лице дипломатических

представительств определенных правительств и т. д. Данных из этой области я оглашать не буду.

Посмотрим, как оплачивалась эта работа. По показаниям одного из вредителей общая сумма полученных им денег достигла 100.000 ф. ст. Итого один миллион рублей. Деньги передавались в служебном кабинете в виде книжки, чтобы не было заметно, что это деньги.

Как они распределялись? Рязанцев показывает: «Из полученных 115.000 руб. мною были переданы в разные сроки Дроздову — 30.000 руб., Левандовскому — 25.000, Эстрину — 15.000, Денисову — 20.000, Каратыгину — 20.000, остальные 3.000 рублей я оставил у себя».

За свою работу они брали не малые куши и оценивали себя довольно дорого.

Ергомышев показывает: «Деньги получали следующие лица и в следующих ориентировочных суммах: Арцыбушеву — до 20.000 рублей, Никитину — до 25.000, Толстому — до 15.000, Головкину — до 20.000, Фишзону И. — до 30.000, Фишзону П. — до 30.000, Езерскому — до 30.000, Таланову — до 15.000, Шпиркану — до 10.000, Шапошникову — до 20.000, Терещенко — до 20.000, Щербакову — до 20.000, Ергомышину — до 20.000. Итого ориентировочно 275.000 рублей».

Международная буржуазия — классовая организация капитала — не щадит денег для оплаты своих верных работников, проводивших ее политику.

Мы приводим эти факты для того, чтобы еще раз отчетливо, осязательно показать, что такое классовая борьба в ее реальной сущности, как она реально протекает и какой жалкой, детски нелепой является в свете этих фактов болтовня относительно того, что классовая борьба и строительство социализма может протекать самотеком, в условиях этаким совместной работы и мирного сожития классово-враждебных по своим интересам групп населения, что можно слепо доверяться в политической борьбе и в политической работе социальным слоям, не выросшим непосредственно из низов пролетарских масс, и что можно в этой работе, в нашем политическом и социалистическом строительстве закрывать глаза на такие определяющие факторы в области политики, какими являются классовое строение прежнего общества и вытекающие отсюда политические взгляды определенных слоев, впитанные с молоком матери, которые не так-то легко искоренить и не так-то легко окончательно изжить.

Мы приводим эти факты также и для того, чтобы показать, насколько в реальной действительности более широко и глубоко развернулась эта борьба «техников»; размеров ее, несмотря на всю свою политическую прозорливость, не смог предвидеть и старик Энгельс.

Несколько примеров из согласованной работы вредителей смогут охарактеризовать размах ее и реальную степень их опасности. Вот, что говорят они сами.

Вредитель Дроздов показывает: «В 1928 г. на квартире Каратыгина под видом заседания рабочей экономической комиссии Московского холодильного комитета происходило заседание вредительской организации в при-

существовании: Каратыгина, Воронцова, Петрова и Эстрина. Обсуждалась экономическая записка Петрова о необходимости постройки совершенно ненужного холодильника. Все присутствующие одобряли записку Петрова...

К этому времени организация охватила своими вредительскими ячейками следующие учреждения: 1) Госплан, 2) Наркомзем, 3) Союзмясо, 4) Рыбсиндикат, 5) Хладострой, 6) Союзрыба, 7) Союзконсерв, 8) Союзплодоовощ, 9) Наркомторг, 10) Троицкий мясокомбинат, 11) Сибконтрторг Союзмяса, 12) Дальрыбтрест, 13) Волгокаспийтрест, 14) Севрыбтрест, 15) Всекопромрыбсоюз и 16) АКО. Во главе организации стояли — Рязанцев и Каратыгин».

Неудивительно, если вредители считали, что они могут действовать в своей среде спокойно: они действительно действовали, что называется, намеренно.

Вредитель Эстрин показывает, что в Союзмясе он, Эстрин, был «четвертый заместитель начальника Промышленного управления, Денисов — зам. начальника Строительного управления, Левандовский — руководитель Сектора капитального строительства в Плановом управлении, Куранов — руководитель Сектора технической реконструкции, Гинзбург — специалист в Секторе технической реконструкции, Хенский — экономист-плановик в Плановом управлении, Крашенинников — ответственный исполнитель в Управлении сбыта и распределения, Дардык — зам. начальника Заготовительного управления, Войлошников — зам. заведующего Отделом контрактации и заготовок. Наркомторг РСФСР охватывался вредительской организацией в лице Воронцова и одно время Рязанцева. Наркомторг СССР охватывался вредительской организацией в лице Петрова. Одним словом, заняты были все основные руководящие планирующие высоты.

На местах были такие же организации.

Ставили ли вредители откровенно политические цели и какие именно? На этом вопросе нужно остановиться несколько подробнее, так как он чрезвычайно важен как показатель того, как в борьбе против советской власти, против задач пролетарской диктатуры объединились под руководством промышленников самые различные слои и прослойки служилой интеллигенции, лица различных политических взглядов, различных программ и платформ. А это в свою очередь дает ключ к пониманию нынешних особенностей вредительства и того *нового*, что оно сейчас несет в себе. Вот как вредители сами говорят о своих целях.

«Задачами вредительской организации, — говорит Денисов, — явились подрыв и дезорганизация снабжения продуктами питания широких масс населения с целью вызвать среди рабочих недовольство советской властью, сделать их союзниками интервентов в деле свержения советской власти».

Войлошников: «Основная цель контрреволюционной вредительской организации, действовавшей в Союзмясе, состояла в том, чтобы путем систематической вредительской деятельности дезорганизовать, а затем и лишить страну мяса, чем была бы облегчена возможность контрреволюционным силам борьбы с советской властью и ее свержение».

Фадеев: «Основная вредительской организации в пищевой промышленности заключалась в том, чтобы путем снижения темпов строительства и выработки продукции *привести страну к голоду*, во время коего была бы облегчена возможность свержения советской власти».

Крашенинников: «...в общем же, ставя себе задачей умышленное во вредительских целях ухудшение и обострение продовольственного положения страны, организация преследовала этим конечную целью вызвать у рабочих и населения, на почве недостатка мясoproдуктов и создания продовольственного кризиса, открытое возмущение против советской власти, — поэтому тут вредительская организация и повела борьбу с соввластью».

Совершенно открыто и четко ставится, таким образом, основная цель — свержение советской власти. — Как? 1) При помощи интервенции извне, 2) при помощи вредительства внутри. Что же на месте советской власти хотели создать эти люди? Большинство вредителей-снабженцев говорит, что целью была *демократическая республика* с восстановлением *основных принципов капиталистической организации хозяйства*.

Политически отчетливая платформа, политически отчетливая постановка цели, одновременно абсолютная неразборчивость в методах политической борьбы и политической работы — вот что характеризует эту группу вредителей. И это первое *новое*, что приходится констатировать, чего мы не встречали или не всегда встречаем у шахтинцев. Голодом, путем прорывов в снабжении *вызвать недовольство* рабочих масс и на почве этого вредительства облегчить интервентам восстановление капитализма — такова тактическая платформа вредителей Рязанцева и К^о.

Такая ли политическая платформа была у других вредителей? И была ли она прежде всего так же отчетлива? Нет, не такая и не всегда столь отчетливая.

Мы знаем из материалов шахтинского дела, что шахтинская организация объединяла в себе политически по-разному настроенных людей. Руководитель клуба горных деятелей Пальчинский — основная фигура вредительского центра — был во всяком случае не демократом, хотя и именовал себя анархистом. Первоначально он ставил себе целью концессионную политику, и лишь затем, когда перешел к прямой политической борьбе, задачей своей ставил утверждение жесткой диктатуры буржуазии с беспощадной расправой с коммунистами. Программой махровых черносотенцев-вредителей военной промышленности была военная диктатура. Другие прослойки технической интеллигенции колебались между конституционной монархией и буржуазной капиталистической республикой, о которой говорили и вредители-снабженцы. Разница политических взглядов не мешала однако тому, что все вредители действовали не только одинаково, но и согласованно. Но полная политическая четкость пришла лишь впоследствии.

Но вредительская организация снабженцев была организационно связана не только с вредителями в других областях — Пальчинским, Рабиновичем и К^о... но и с вредителями совершенно иного типа, чисто политической контрреволюционной организацией — Громаном, Кондратьевым, Сухановым. Так в конце концов однако вопросы политики и прямая контрреволюционная ра-

бота встали на первый план. Вредительство стало уже только *средством*, а не целью в себе. Это второе *новое*, что надлежит установить. На связи же с кондратьевской группой следует специально остановиться.

Кондратьевская группа стояла наиболее близко в административно-управленческом и, казалось, также в идеологическом отношении к коммунистической партии. Высокий интеллектуальный уровень членов этой группы, их непосредственная близость к рычагам государственного управления в части вопросов большой политики — все это, казалось бы, исключало и самую возможность создания этой группой контрреволюционной организации, а тем более организационной связи с вредительскими группами. Тем не менее упрямые факты говорят именно об этом.

Обвиняемый Рязанцев показывает, что из переданных им для Каратыгина 20.000 руб. часть предполагалось израсходовать на вредительские действия в плановых органах по линии кондратьевской организации. Таким образом, была не только идеологическая связь и связь чрезвычайно тесная.

Деятели кондратьевской группы также говорят о связях и совместных заседаниях с центром вредителей типа Пальчинского, Хренникова и Рабиновича. Вредители-снабженцы говорят о прямой связи, которую они поддерживали с кондратьевской группой. Как те, так и другие показывают однако, что твердую ориентировку на политическую контрреволюционную работу они взяли только в последнее время.

Этот факт дает основания для двух выводов: 1) вредительские организации, несмотря на всю свою разношерстность, действовали все согласованно, были организационно между собой увязаны независимо от разницы политических взглядов и платформ и объединяли в единую цепь все слои контрреволюционных групп — от крайне правых до «почти коммунистов» типа Суханова и Кондратьева; 2) объединение это окончательно укрепились лишь в самые последние годы, хотя и началось одновременно с шахтинским процессом. Оно имело при этом ярко выраженную политическую программу и произошло на платформе общего для всех требования — свержения советской власти и реставрации капиталистического порядка, т. е. было по существу резко выраженным объединением буржуазии разных оттенков — объединением буржуазии как класса.

От кондратьевцев к вредителям-демократам типа Рязанцева, от демократов к вредителям-шахтинцам, от шахтинцев к вредителям-монархистам, от монархистов к эмигрантам, от эмигрантов к интервентам, от интервентов к иностранному капиталу — такова цепочка объективной неизбежной связи и консолидации всех контрреволюционных групп, которая создалась к моменту 1929/30 г., моменту обострения классовой борьбы и социалистического наступления по всему фронту.

Мы можем перейти теперь к разрешению последнего вопроса, самого важного и интересного, ответ на который дает анализ снабженческо-вредительской организации: почему, несмотря на успехи социалистического строительства, на 13-м году революции буржуазия консолидируется во все ее своих оттенках против советской власти, чем это объясняется и что политически вытекает отсюда для нас?

Этим мы разрешим поставленный выше вопрос об особенностях нынешнего этапа вредительства.

Что толкало этих людей на контрреволюцию? Ведь революция произошла 13 лет назад. Советская власть доказала свою мощь, устойчивость и твердость. Эти люди не могли пожаловаться и на свое материальное положение. Конечно, они были обеспечены не так, как при старом порядке, но все же они не имели основания говорить, что их забывали, что их не ценили и т. д. Положение, которое они занимали, доказывает обратное. Что же толкнуло их на вредительскую контрреволюционную работу?

Определенную группу лиц толкнули на вредительство классовые интересы буржуазии и вытекающая из них органическая неспособность понять социалистическую идею, звериная ненависть к социализму. Иначе ставили вопрос другие. *Неверие в успех социалистического строительства послужило тут почвой, на которой объединились самые разнообразные группы вредителей*, начиная от махрово-черносотенных генералов и инженеров и кончая самой левой кондратьевской организацией. Неверие в силы рабочего класса оказалось тем, что сблизило все слои буржуазии между собой, что объединило их в один лагерь. Это неверие было однако только объединяющей почвой. Непосредственным толчком было иное.

Ликвидация кулачества как класса, партийная политика в деревне послужили тем толчком, который непосредственно бросил их в лагерь контрреволюции, на открытую борьбу против партии и социалистического строительства. Отражая интересы мелкой буржуазии, они ушли в лагерь врагов как только партия всерьез затронула именно этот слой.

Этого удара по мелкой буржуазии деревни не могли переварить отражавшие по своим экономическим истокам кулацкую стихию либерально-мещанские слои технической интеллигенции. Затронутые политикой советской власти в своем основном существе, неспособные ни понять этой политики, ни поверить в возможность ее успеха, они шарахнулись в лагерь контрреволюции. И на этой почве они сошлись с остальными вредителями. Совершенно отчетливые и согласованные положения по этому вопросу дают демократы-вредители. Рязанцев показывает: «Моим идеалом была буржуазная демократическая республика, при которой руководство хозяйственно-культурной жизнью страны сосредоточивалось бы в руках буржуазии и буржуазно-настроенной интеллигенции. Я считаю, что пролетариат, как класс, с его коммунистическим идеалом не сможет наладить и поднять хозяйственной и культурной жизни страны до полного расцвета. Да и помимо этого я не хотел этого. Я считал, что основным классом — носителем культуры — является буржуазия, считая неверной политику соввласти, направленную к уничтожению этой буржуазии. На основе этого я являлся классовым врагом советской власти, пролетариата, его партии ВКП(б)».

Еще более четко показывает обвиняемый Каратыгин. «Характерным для нас, — пишет он, — являлось неверие в восстановление хозяйства страны советской властью, критика взятых темпов в смысле неосуществимости их, отрицание целесообразности коллективизации сельского хозяйства, установка на индивидуальное хозяйство и, главным образом, — кулацкое и зажиточное

средняцкое, необходимость сохранения частнокапиталистических отношений в стране и отрицание производственной смычки с крестьянством..., считая наиболее приемлемым и возможным государственный строй в духе буржуазно-демократической республики».

Совершенно в унисон им вторят кондратьевцы: «В своей борьбе за политический переворот и свержение большевиков, — говорит один из них, — организация ставила основную ставку на кулацкую верхушку села — единственно-политически и хозяйственно-активный слой. В городе опорой организации являлись частные собственники, слои мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, враждебные соввласти...». «...Наша контрреволюционная деятельность усилилась, претворяясь в резко враждебные антисоветские выступления, нелегальную работу, контрреволюционные акты и действия в практической деятельности по службе в хозяйственных предприятиях по мере радикализации политики партии в отношении указанных выше капиталистических слоев города и деревни...».

И дальше: «...Переход ВКП(б) от политики ограничения кулака к политике развернутого наступления на капиталистические слои города и деревни, а затем ликвидация кулачества как класса привели к переходу контрреволюционной организации к усилению нелегальной работы, выпуску листовок, организации техники и привлечению правых буржуазных групп и ориентации на кадры революционного блока».

Так в момент борьбы с кулачеством в деревне идеологи кулачества отшатнулись от советской власти в городе. Как классовые интересы крупной буржуазии толкнули в контрреволюционные организации промышленников-вредителей, так классовые интересы мелкой буржуазии толкнули в тот же лагерь «демократов»-вредителей и кондратьевцев. Органическое родство с интересами кулачества сыграло и здесь руководящую роль, привело к неверию; неверие же привело к противодействию, противодействие — к прямой контрреволюционной работе. Так успехи социалистического строительства, победоносное наступление пролетариата согласно закону классовой борьбы привело в один лагерь против пролетариата все оттенки буржуазии, еще более обострив и ожесточив борьбу.

Теперь понятно, почему рядом с рыбопромышленниками и генералами в одной организации оказались бывшие меньшевики и бывшие эсеры, объединившись с ними на одном принципе отрицания диктатуры пролетариата и неверия в социалистическое строительство.

А между тем, казалось бы, что в наших условиях для неверия в возможность социалистического строительства не должно быть места; может быть оно могло иметь известную почву под собой раньше, но не сейчас, когда мы уже осуществили два года пятилетки. Когда мы находимся накануне решающего года в области пятилетнего строительства, когда мы превзошли уровень довоенной промышленности, когда далеко в прошлое отошли годы экономической разрухи, когда в перспективе у нас лозунг — «догнать и перегнать».

Тов. Сталин на XVI съезде партии говорил: «Мы вступаем в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяй-

ственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Это реальный факт, который никак нельзя отрицать. Быть может благодаря вредительской работе, быть может благодаря нашему неумению, благодаря общему капиталистическому окружению в отдельных местах у нас есть прорехи: и то неважно, и того нет, и то не так сделано, как нужно. Но в основном цифровые итоги строительства по главнейшим отраслям народного хозяйства таковы, что наши успехи признают даже враги, признает вся международная буржуазия. При оценке итогов XVI партсъезда в своих заграничных органах буржуазия констатировала это со скорбью, со злобой, со скрежетом зубным. Заграничная пресса уже говорит, что за первой пятилеткой пойдет вторая, что к концу пятилетки СССР встанет в ряды *крупнейших промышленных гигантов мира*; из-за наших успехов наши ближайшие соседи не в шутку, а всерьез ставят вопрос об экономической блокаде, о борьбе с нашим экспортом и о том, как обезопасить себя от этого могучего строительства страны, занимающей шестую часть мира.

Это все факты, отрицать которые не может никто, и меньше всего могут отрицать их люди, практически участвовавшие в этом строительстве и видевшие, как проводится работа. В вопросах темпов нашего строительства мы идем впереди всех остальных стран. Нет ни одной страны, которая могла бы соперничать с нами.

И после этого, при наличии таких доказанных фактов, тем не менее именно неверие в возможность построения социализма в нашей стране объединило всех вредителей, как тех, кто органически не в состоянии понять и поверить, у кого нехватает для этого некоторых органических свойств в мозгу, так и тех, кто по своей социальной природе и социальному существу не принадлежит к этим основным воротилам классово-враждебных нам сил, но вместе с тем не принадлежит и к тем, кто является ведущим рычагом социалистического строительства в нашей стране, т. е. не принадлежит непосредственно к пролетариату, как к творцу, как к движущей силе.

Являясь выражением, отражением мелкобуржуазной стихии, эти социальные группы из-за социальной своей природы в переломный момент социалистического строительства, в момент, связанный с необходимостью преодоления трудностей роста, неизбежных уже в силу грандиозности совершающегося перелома, и в момент решительного удара по мелкой буржуазии также шарахнулись в сторону и докатились до рядов контрреволюции, до рядов вредительских организаций.

Для этих групп решающим моментом в этом отношении явилась проводимая партией политика ликвидации кулачества как класса. Социалистическое переустройство деревни вызвало их переход в лагерь контрреволюции.

Интересно проследить эту консолидацию сил всех мелкобуржуазных групп в дальнейшем.

Вот лозунг троцкистов:

«В области промышленной приостановить призовые скачки индустрии, отбросив лозунг «пятилетка в четыре года».

«В области сельского хозяйства задержать дальнейшую коллективизацию, объяснив крестьянам предельность ресурсов и сосредоточив средства на наиболее широких и обеспеченных колхозах».

«Сущность и тут одна и та же — в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства страны» (Сталин, политотчет ЦК). А по существу та же программа, что и у Кондратьева, и на деле та же контрреволюционная борьба против советской власти.

И наконец — *правые*.

Правые — эта агентура кулачества в партии — тоже не верят в возможность социалистического строительства, не верят в необходимость темпов, которые мы сейчас проводим, тоже боятся трудностей, боятся того, что советская власть не справится с трудностями. Отсюда их паническое настроение и все вытекающие отсюда об'ективные выводы, иной раз вытекающие против *воли*. Отсюда об'ективно создающийся и у них *блок со всеми теми, кто стоит на той же точке зрения неверия, но активно борется против советской власти*. Отсюда же контрреволюционный характер работы правых оппортунистов, хотя бы они и искренно думали о помощи советской власти и партии.

Так политическая цепочка об'единяет и связывает все эти группы, и поневоле приходят на мысль слова Лассалля о том, что в определенные исторические моменты вся буржуазия представляет собой сплошную реакционную массу, настроенную против пролетариата и социалистического строительства. Таков ответ на последний вопрос — что толкнуло «демократов»-вредителей в лагерь контрреволюции и почему, несмотря на успехи социализма, они об'единились с крупными промышленниками-вредителями на конкретном деле прямой контрреволюционной борьбы.

Вот конечные политические выводы, которые можно сделать из разобранного нами большого фактического и жизненного материала.

Можно подвести итоги.

На анализе работы вредителей-снабженцев мы хотели дать ответ на два вопроса: что из себя представляет вредительство в настоящий момент и почему сейчас оно еще живо, несмотря на уроки шахтинского дела и успехи социалистического строительства?

Мы отвечаем: вредительство было и осталось методом борьбы буржуазии как класса против социалистического строительства; оно было и осталось универсальным методом борьбы почти во всех отраслях промышленности, было и осталось методом борьбы, согласованным с иностранной буржуазией, тесно увязанным с планом интервенции и иностранными правительствами и носящим ярко выраженный политический характер. Новое в нем лишь нагло-циничные формы вредительства, спекуляция на голоде миллионов рабочих масс. Как и прежде, во главе вредительства стоят бывшие крупные собственники и предприниматели и идущие за ними определенные слои квалифицированной интеллигенции. Новое лишь в большей законспирированности групп, в большей отчетливости политических целей и наконец в боль-

шей ненависти к советскому строю, поскольку вредители знают, что пощады теперь им не будет, и поэтому идут на борьбу сознательно, рискуя головой.

Закон обострения классовой борьбы сказался здесь в полной мере.

Второе. Вредительство в настоящий момент оказалось об'единяющим не только верхи бывшей промышленной буржуазии, — последние сомкнулись в одну цепь с контрреволюционными организациями мелкой буржуазии. Политика ликвидации кулачества как класса толкнула эту последнюю на прямую контрреволюционную борьбу. Это и есть то новое, чего не было в период шахтинского процесса. Ожесточенное сопротивление кулака в деревне отразилось в создании этих контрреволюционных организаций. Закон обострения классовой борьбы со стороны отживающих слоев буржуазии по мере успехов социализма сказался и тут.

Третий вывод. Идеологической формулой, об'единившей эти контрреволюционные группировки, явилось неверие в силу рабочего класса и успехи социалистического строительства. На этой почве сблокировались все контрреволюционные группы, но об'ективно они сблокировались не только между собой, но и с ведущими прямую борьбу против ВКП(б) троцкистами и с *правыми оппортунистами*, исходящими из тех же установок неверия. Так неумолимая логика истории, логика классовой борьбы, по мере обострения этой борьбы, дифференцирует все слои населения по основному вопросу — кто куда, отмечая в лагерь контрреволюции все неустойчивые элементы, вплоть до тех, кто находится в рядах ВКП(б). Это также то новое, что приносят с собой нынешний момент и данные о вредительских организациях. Его также должен усвоить себе каждый сознательный политический работник.

Четвертое. Максимально напрячь силы на путях социалистического строительства, не свертывать темпов этого строительства, продолжать политику ликвидации кулачества на базе сплошной коллективизации, отбрасывая в сторону всякие паникерские настроения, беспощадно расправляясь с контрреволюционерами и вредителями и не менее беспощадно борясь с правооппортунистическими элементами в своей собственной среде, памятуя, что *за ними об'ективно укрывается классовый враг*, — вот что должен усвоить себе в ответ на вредительство рабочий класс и вот чему должны научить его новые факты и данные о работе вредительских организаций и контрреволюционных группировок, раскрытых за последний месяц.